

Художественный руководитель Театра Современник и просто прекрасная актриса

Галина ВОЛЧЕК возглавляла жюри недавно проходившего в Сочи фестиваля "Кинотавр". Многие из представленных на нем фильмов были показаны и в русской части программы только что завершившегося Московского международного кинофестиваля, поэтому продолжают оставаться в центре внимания и споров. Вердикт, вынесенный жюри Валентина Черных на ММКФ, вызвал бурную реакцию. Но не менее темпераментно обсуждалось, критиковалось решение жюри, возглавляемого Галиной Волчек.

— Галина Борисовна, были ли моменты во время "Кинотавра" и уже после того, как жюри объявило результаты своей работы, когда бы вы сожалели о том, что вообще связались во всю эту историю?

— Не было. Я ни о чем не жалела. Мне интересен был этот опыт, и не в последнюю очередь оттого, что я сама, а вернее, Театр Современник, в какой-то степени периодически становимся жертвой всевозможных ангажированных мнений жюри, экспертных советов и иных подобных структур. И мне было очень интересно на собственном опыте понять, возможно ли вообще такое, чтобы жюри было объективным, неподвластным никаким влияниям, ангажированности, которое бы просто честно делало свою работу.

Мне очень повезло с составом жюри, в которое вошли актриса Елена Яковлева, кинокритик Ирина Рубанова, кинорежиссеры Роман Балаян и Сергей Урсуляк, продюсер Сергей Члиянц, оператор Сергей Астахов. Когда мы собрались в первый раз и я объяснила, почему согласилась заняться судейством, что мною движет, я опасалась, что, возможно, будет сложно найти общий подход. Но в процессе совместной работы была приятно удивлена очень многим. Притом что знала, что почти у каждого есть личные, дружеские отношения с участниками конкурса, создателями картин. Это естественно в кинематографическом и театральном мире. И я — не исключение. Но меня подобные обстоятельства никогда не останавливали, не связывали по рукам ни в жизни вообще, ни в данном конкретном случае.

— А жюри вы сами подбирали?

— Меня держали в курсе дела и отчасти, наверное, прислушались к тому, что я все время говорила о необходимости собрать людей не ангажированных.

— Можете ли вы сказать, что картина Павла Лунгина "Бедные родственники", получившая на "Кинотавре" главный приз, — это не только выбор жюри, решение которого чаще всего некий компромисс, но и ваш личный выбор. Иногда ведь даже председатель жюри не в силах что-то отвоювать.

— Мне и не приходилось отвоювывать. Мой выбор в данном случае — конечно, мой, но он неотделим от мнения жюри в целом. Это было единое решение. Я бы с удовольствием спросила у тех, кто не доволен нашим выбором, какой картине они бы отдали предпочтение из тех, что были на этом фестивале. Может быть, на Московском кинофестивале показали много замечательных фильмов и жюри оказалось трудно выбирать. Нам в этом смысле было совсем нетрудно. И если кому-то кажется, что главную награду должна была получить Лариса Садиллова с фильмом "Требуется няня", то это пусть останется на их совести. Как главного призера мы эту картину не рассматривали. Но особо отметили работу в ней юной актрисы Иры Шиповой.

— То, что вы не присудили приза за лучшую женскую роль — это, в общем, не новость. "Золотая Маска" тоже имеет такой опыт, да и не только она...

— Что присудила или не присудила "Золотая Маска" — вопрос не ко мне. Вы не по адресу в данном случае обращаетесь. Я ни в каких театральных жюри принципиально никогда не участвую и участвовать не буду. Поэтому ничего про это не знаю.

— Обращаюсь именно к вам с этим вопросом потому, что вы, Галина Борисовна, имеете несомненный вкус к актрисам. Спроси у любого на улице, какие актрисы работают в Современнике, с ходу на-

Г. Волчек

зывают имена Марины Нееловой, Елены Яковлевой, Чулпан Хаматовой или Ольги Дроздовой...

— Слава богу. Но мой вкус отличается от вкуса тех, кто выдвигает в качестве главного фильм Садилловой или не дает премии за очевидные актерские удачи в театре. Имея такую актрису, как Чулпан Хаматова, не дать ей приз, как это было на "Золотой Маске"... Я даже не хочу подобно никак квалифицировать и обсуждать. Это доказательство всех моих слов об ангажированности жюри.

— То есть в этом лишь проблема, а вовсе не в том, что с мужчинами в театре и кино дело обстоит лучше, чем у них роли куда качественнее и ярче?

— Мне трудно об этом говорить, потому что у меня в Современнике просто замечательная женская труппа.

— Раз уж мы заговорили о Чулпан Хаматовой, не могу не спросить вас о том, почему так случилось, что из целого поколения талантливых актрис — это Галина Тюнина, Полина и Ксения Кутеповы, Елена Морозова, Ирина Гринева... именно она стала звездой, фактически единственной по большому счету?

— Из тех, кого вы называли, я мало кого знаю, хотя и видела некоторые их работы. Чулпан Хаматову же считаю выдающимся явлением в театре. А что касается того, кто стал звездой, а кто нет, пускай об этом задумаются те, кто легко привешивает ярлыки и раздает премии.

Мы не дали приз за лучшую женскую роль на "Кинотавре" по уважительным и объективным обстоятельствам. Была очень хорошая, яркая работа у Оксаны Фандеры в "Статском советнике", но мы не обсуждали ее как главную роль, потому что масштаб иной. То же могу сказать и о работе Маши Мироновой в той же картине. Роль маленькая, но очень симпатичная. Но все это не те работы, за которые дают призы. Вот если бы мы имели возможность отметить роли второго плана, тогда обе эти актрисы могли бы претендовать на награду. Была и фантастическая старуха Эстер Бутен у Лунгина, но опять-таки это совсем другой масштаб.

Никита Михалков, уважаемый мною режиссер, очень возмущался нашим решением не присуждать приз за лучшую женскую роль. Я ему в ответ задала вопрос, может ли он назвать мне работу актрисы, стоящую вровень с теми мужскими, которые мы отметили. На что он мне сказал, что есть женский теннис, а есть мужской. Я не привыкла к подобным понятиям. У меня, и не потому, что я феминистка (не дай бог, ею я никогда не была и быть не собираюсь), нет такого подхода. Я его не понимаю и не признаю.

То, что мы поделили мужской приз между Михалковым и Константином Хабенским, наверняка тоже не у всех вызвало понимание. У Никиты Сергеевича — замечательная работа в "Статском советнике". Это такой мастер-класс для молодых артистов, которые не всегда понимают, как процесс надо держать в течение всей роли и не выходить из него. Прекраснейшая работа у Хабенского в фильме "Бедные родственники". Не могу

сказать, что до этого была горячей поклонницей этого актера, хотя видела его в каких-то фильмах, понимала, что он способный. Но тут его собственная актерская и человеческая природа так обогатила роль, а роль обогатила его природу, что это вызывает восхищение.

— Вы наверняка в таком большом количестве еще не смотрели российское кино. Каково после-вкусие?

— Действительно, за много лет это особый случай. Послевкусие заключается в удовлетворении от абсолютно справедливого суда и от работы жюри, которое сумело оставить за прятанными внутри все свои личные мотивы и пристрастия. Мы вели справедливый разговор о том, что видели на экране.

— Поразило ли вас что-то в нашем кино?

— Нет, к сожалению.

— Можно ли сказать в таком случае, что театр сегодня живет более интересной жизнью?

— Об этом не мне судить. Но, вероятно, кино достаточно интересно развивается, раз есть такие фильмы, как "Бедные родственники" Лунгина и "Космос как предчувствие" Алексея Учителя, удостоенные таких высоких наград на "Кинотавре" и ММКФ. Получается, все не так плохо. Не бывает же так, что вот пришли всем крылья, все гениальные. Значит, что-то действительно происходит.

— Когда вы видите на экране актеров, работающих в нашем театре, например Сергея Гармаша, который много снимается, а вы, как никто, знаете его возможности, наверное, и отношение совсем другое возникает?

— Где же вы видели это отношение? В решениях жюри?

— Я не про решения жюри, а про восприятие артиста и оценку его диапазона...

— Гармаш — очень большой артист, и мне обидно, что не все грани его таланта используются в кино. Как это часто там бывает, идут по линии наименьшего сопротивления. За исключением, пожалуй, работ в фильмах Дмитрия Месхиева.

— А трудно актеру отпроситься у вас в кино?

— Трудно его отпросить в театр. Поменялись приоритеты, не могли не поменяться, поскольку изменилась жизнь. Это всеобщая болезнь — страны, культуры, театра и кино. Я неоднократно об этом говорила, мы часто обсуждаем эту тему с коллегами.

— Но вы можете запретить, сказать свое решительное "нет" или стараетесь не заострять ситуацию?

— Зачем я буду ее заострять, когда она и так заострена жизнью, сменой приоритетов и сознания. Что толку в том, если я сто раз скажу "нет"? Приходится лечить болезнь доступными средствами.

— Мало кто сомневался в том, что ваше жюри отметит, так или иначе, картину Ильи Хржановского "4", хотя бы потому, чтобы не прослыть ретроградами. А в случае чего всегда можно сослаться на такой продвинутый фестиваль, как Роттердамский, присудивший этой картине приз...

— Меньше всего я думала об этом. А про Роттердам узнала гораздо позднее. Меня не интересует то, что говорили те, кто сразу пришивает крылья на еще не существующую кожу и назначает дежурных гениев. Мы смотрели и оценивали. Дать спецприз — это не просто присоединиться к кому-то. Мы же объяснили свою позицию и свой выбор. И наградили не картину "4", а режиссера за безусловный и дерзкий талант.

— А вам что-то было известно о том, что происходило на "Кинотавре" вокруг этой картины, о письме Алексея Германа в поддержку Ильи Хржановского?

— Абсолютно ничего об этом не знала, впервые обо всем этом слышу от вас и благодарна руководству фестиваля, проявившему деликатность, за то, что никто на нас не давил, не пытался и не задавал никаких вопросов.

— Надо сказать, что Илья Хржановский оказался человеком, умеющим держать удар, о чем, глядя на него, и не подумаешь. Что же касается лично вас, то многие не сомневались в том, что вы остановите свой выбор на молодом режиссере, потому что знали ваш интерес к молодым в театре. Что для вас важно, когда вы приглашаете в Современник Нину Чусову или Кирилла Серебренникова?

— То, что вы говорите о Хржановском, делает ему честь и гарантирует качество в художнике, которое я называю волей к победе. Без нее невозможно выстоять и добиться того, чего тебе хочется. Я же приглашаю молодых всю жизнь. С первого своего шага в 1972 году, когда взвалила на себя нелегкую ношу театра. Когда-то Валерия Фокина пригласила и сразу дала ему возможность поставить спектакль. Теперь он мэтр, а тогда пришел из Щукинского училища с целой группой молодежи — Константином Ракиным, Юрием Богатыревым, Владимиром Поглазовым. Через Современник не просто пробежали, но прошли многие режиссеры. Это совсем не то, что я на моду откликнулась, когда призвали открыть шлязы молодым. Я всю жизнь это делала.

Держала руку на пульсе, понимая, что нельзя идти вперед, все время только оглядываясь назад, но и нельзя бежать вперед совсем безоглядно. Эстафету надо передавать тогда, когда рука не трясется, когда ее можно передать на бегу, не уронив. Так что ничего нового ни про меня, ни про мою идеологию не сказали те, кто обсуждал в Сочи, отмечу я Хржановского или нет. Я даже не видела его ни разу.

— Одну из лучших, на мой взгляд, картин показали на "Кинотавре" вне конкурса. Это "Вокальные параллели" Рустама Хамдамова, которую продюсировал ваш сын Денис Евстигнеев. Вы видели ее?

— Особенности наших отношений с Денисом таковы, что если я-то ему что-то могу рассказать о своих творческих делах, то он делится этим редко. Поэтому про "Вокальные параллели" я, можно сказать, узнала в Сочи. С Рустамом Хамдамовым не знакома, но многое слышала про него от разных людей, в частности от Павла Каплевича. Для меня это очень интересная фигура, художник и человек. И своим артистам я рассказывала о его фильме, настолько сильное впечатление он произвел. Такой удивительный, ни на кого не похожий талант. А чужой талант меня всегда возбуждает.

— Как человек, работающий в театре, вы, конечно же, особое внимание обращаете на драматургию. Не показалось ли вам, что главная проблема современного кино — в отсутствии качественных сценариев?

— Мне трудно говорить на эту тему. Переводя разговор на театр, скажу, что от пьесы очень многое зависит. Но в какой-то степени пьеса и сценарий, я думаю, в руках настоящего режиссера — это повод для высказывания на ту или иную тему. Мне трудно отделить сценарий от результата, который вижу на экране. И, наверное, это правильно.

— Успели ощутить "Кинотавр" как светское мероприятие или на это не оставалось времени?

— Мы сидели в Зимнем театре, где проходили просмотры, с пяти часов и до одиннадцати, а днем проходили заседания жюри, где мы обсуждали увиденное. Единственное время, когда я могла компенсировать отсутствие необходимого мне в силу медицинских особенностей воздуха, — это в одиннадцать часов вечера, сидя где-нибудь в пляжном кафе.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ